

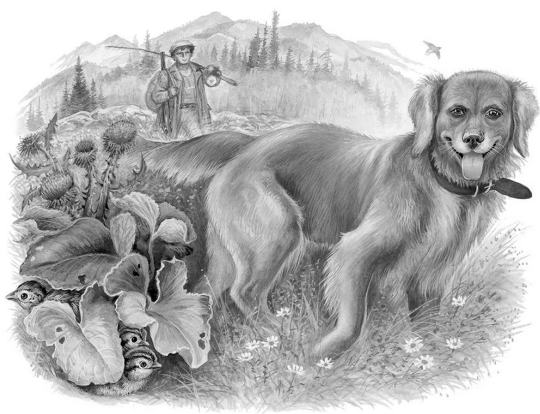

В. Астафьев

БЕЛОГРУДКА

○

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Художник
И. Цыганков

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6я-44
А91

Рисунки И. Цыганкова

Астафьев, Виктор Петрович.

А91 Белогрудка. Рассказы для детей / В. Астафьев; худож. И. Цыганков. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 141, [3] с.: ил. – (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-169622-1.

Виктор Петрович Астафьев – писатель, эссеист, драматург и сценарист. Писатель обладал огромным жизненным опытом: он прошёл Великую Отечественную войну, после – сменил множество рабочих профессий. Всё это помогло В. Астафьеву писать о чём бы то ни было просто и честно.

В сборник вошли десять рассказов В. Астафьева, а также главы из повести «Последний поклон». Все они входят в программы школьного и внеклассного чтения.

Рисунки И. Цыганкова.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6я-44

© Астафьев В. П., насл., 2024
© Цыганков И. А., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЗЛОДЕЙКА

Эту собаку зовут Злодейка, хотя ничего злодейского она не совершила. Получила она такое имя за усердие. Да, да, за усердие. Есть люди, которые любят всякие совместительства, проще сказать, занимают по полдолжности, ну и, конечно, так и работают — серединка на половинку.

И на рыбалке тоже такое случается. Едет человек рыбачить, а ружьё с собой прихватит: авось, мол, рыбы наловлю и подстрелю чего-нибудь.

А рыбак, о котором я хочу рассказать, не только ружьё, но и собаку с собой прихватил, чтобы, так сказать, уж всё

разом сделать: и порыбачить, и поохотиться, и собаку «натаскать».

Звали её Фишкой. Была она молоденькая, шустрая, с умильными глазами. Хозяин её, Паша Усольцев, приехал на станцию Утёс, а оттуда к реке Усьве пошёл. Идти километров пять, лесом. Фишка всю дорогу по кустам металась, взвизгивала от радости, мышинные норки раскапывала. Иногда она подбегала к Паше и преданно, восторженно глядела на него: дескать, я так тебе благодарна, что и выразить не могу!

«Видно, показать ей свежий след на первый раз нужно, а потом уж пойдёт дело», — подумал Паша.

Нашёл он барсучью норку, поймал Фишку и сунул носом в рыхлую землю. Фишка понюхала, хвостом понимающе вильнула, ещё раз понюхала, а потом к хозяину обернулась. На носу у неё земля, а в глазах восторг.

— Ищи, ищи! — приказал Паша.

Фишка взвизгнула и подала хозяину лапу — снова благодарила хозяина за все радости, доставленные ей, и за эту милую шутку.

Пнул Фишку Паша и больше не искал ей свежие следы: понял, что бесполезное это занятие.

На Усьве он сколотил плотик, положил рюкзак, посадил рядом с рюкзаком Фишку, ружьё пристроил возле своих ног и поплыл.

Плывёт и хлещет спиннингом по воде, плывёт и хлещет. Поклёвок нет, только трава на блесну цепляется.

Долго плыл Паша Усольцев и ничего не поймал. Пришёл он в окончательное уныние и стал ругать Фишку. Лениво ругал, так, от нечего делать. А она думала, что он с нею беседует на мирные темы, и хвостиком согласно повиливала.

Но вот и Красная глина, крутой обрывистый берег с бурными обнажениями в вымоинах, поросший тощим лопухом и кое-где кипреем. Красная глина километрах в восьми от города Чусового. Когда-то здесь водилась прорва рыбы. Но аммонал, острога, бот, мелкочейные невода, мережи и другие браконьерские средства сделали своё дело — возле Красной глины почти не осталось рыбы. Только по старой памяти городские рыбаки ходят сюда, иной раз собирается их здесь к ночи человек по двадцать.

Плёт возле Красной глины глубокий, изогнутый дугой, а чуть ниже шумит

стремительный перекат. Буйно плескались здесь когда-то таймени, хариусы, а в засаде возле упавших лесин и в траве стояли щуки, кормились в омутистой глубине язи и голавли. А теперь только изредка можно увидеть здесь в тихий вечер или на утренней зорьке, как серпом выбрасывается из воды яркопёрый таймень и оглушительно хлещет хвостом по воде.

Но трудно поймать тайменя возле Красной глинки. Очень уж умна стала рыба. Очень уж много раз брала она и срывалась, очень уж много видела на своём веку.

Однако нет такого рыбака на свете, который бы не мечтал поймать ту рыбину, которая чуть было не попала к нему...

Вот и в тот раз спиннингов в десять обрабатывали рыбаки плёс. Каких только блёсен ни подбрасывали, как только ни ловчили — не брал таймень. Плескался, буйствовал, на виду рыбёшек гонял — и не брал. Устали рыбаки, махнули на это дело рукой, к костру подались.

В это время и выплыли из-за поворота на плотике Паша Усольцев и Фишка. Паша трудился, успевая сделать поболь-

ше забросов, пока его не пронесло по плёсу и не подхватило раскатистое течение на перекате.

— Брось, не старайся! — крикнули Паше ребята. — Мы уж тут каждый метр квадратно-гнездовым, пропашным и всякими разными способами обработали.

Паша не отвечал: Паша трудился, надеясь, что ему-то уж повезёт. Внезапно раздался треск катушки, и все увидели, как согнулось удилице в руках Паши, как он весь напрягся, шире ноги расставил, и началась борьба.

Таймень не давался Паше. Он был «битый», этот таймень, и, очевидно, не раз уж вывёртывался из трудного положения. Он стремительно бросался из стороны в сторону, вымётывался наверх и ныром уходил под плот.

Берег ревел. Каких только советов не подавал народ! Но Паша не отвечал, он боролся молчком.

А плот несло к перекату. Таймень ослаб. Паша подводил его ближе и ближе. Вот возле самого плота забился, забушевал речной богатырь, и тут Фишка, о которой все забыли, не выдержала, бросилась на тайменя сверху, как лев, ну и, конечно, сняла рыбину с якорька.

Паша подмотал катушкой блесну, а Фишка выкарабкалась на плот и отряхнулась. Деловито так отряхнулась, с чувством — поработала.

Народ на берегу стонал от смеха. Паша глянул на Фишку и схватился за голову.

— Дур-р-рак! — вопил он. — Зачем, ну зачем я тебя взял с собой? Зачем?! — Это он спрашивал Фишку. — Злодейка ты! Чего ты наделала?!

Фишка виновато облизнулась и горестно взлаяла: дескать, хочешь всё как лучше сделать, а получается не так да не так.

Плот подхватило бурным течением на перекате и быстро унесло. Паша рвал на себе волосы.

С тех пор Фишка стала Злодейкой.

ЗАХАРКА

Лёд на Енисее ещё не тронулся, но перелётные птицы уже появились. В Заполярье всегда так — птицы опережают весну. Где-то в верховьях Енисея они прилетают на полою воду, потом настигают ледоход и обгоняют его.

Колхозные бригады охотников в эту пору выезжают на промысел за птицей.

Захарка в колхозе ещё не состоял, ему было всего двенадцать лет. Но он тоже засобирался на охоту: надо было помогать семье. А семья немалая — четверо ребят (себя Захарка к ребятам уже не причислял). Отца на войне убили, работница в доме одна мать. Она на рыбоприёмочном пункте работала — резальщицей.

Станок Агапитово, где жил Захарка, совсем мал, всего несколько домиков. Работы здесь никакой сыскать невозможно, одна рыболовецкая бригада в Агапитово — и всё. Самое большое начальство здесь бригадир и пекарь. А до правления колхоза и сельсовета более сотни километров. Заполярье — здесь такие расстояния между селениями не в диковинку.

Захарка ловил зимой силками белых куропаток и однажды заплутался и чуть не замёрз. Мать после этого не пускала Захарку в лес.

К весне совсем трудно стало семье. Приварка нет, только рыбы иной раз бригадир давал, а без приварка ребятам пайка хлеба не хватало: растут. Паёк же хлебный не растёт. Всё тот же, что и в войну. Но докатился и до Агапитово слух, что скоро карточки на хлеб отменяют. А пока Захарка прилачился к пе-

карю в помощники: дровишки пилит, колет, печь топит, пол моет — что заставит пекарь, то и делает Захарка. Лишь бы накормил. Поест Захарка в пекарне, значит, паёк матери и братишкам с сестрёнкой достанется.

Надо жить, до лета дотягивать. Летом в Заполярье — лафа: дичь, яйца, рыба, ягоды, грибы, орехи. Летом в Заполярье жить можно.

А между тем пекарь совсем зазнался. Ну кто он такой в нашем нынешнем понимании — пекарь? Так себе — личность, вымазанная мукой. Но в те годы пекари пользовались большим авторитетом. Агапитовский пекарь, к примеру, жил по поговорке: «Сыт, пьян и нос в табаке».

Тут требуются некоторые пояснения: дело в том, что в маленьких посёлках хлеб не только выпекался на пекарне, но и отпускался здесь же. Вот и выходило, что власть в ту пору у пекаря была полная. Захочет хлеб отпустить — отпустит, не захочет — не отпустит. Иди жалуйся на него — за сотню-то вёрст.

Ну, а Захарку пекарь вовсе заездил, и плата парнишке одна — кусок хлеба.

Но всё стерпел Захарка, дотянул до весны.

Птица пошла, собрался пекарь на охоту: гусятинки захотелось. Мать Захаркина попросила его:

— Возьмите Захарку, Ануфрий Пантелеймонович. После того случая боюсь я одного-то отпустить, а он рвётся на охоту.

— Хлопот с ним не оберёшься, — поморщился пекарь, — расхнычется.

— Да что вы! — Пекарь был единственным человеком в посёлке, которого называли на вы. — Он у меня ко всему привычный.

Мать хотела сказать, что и охотник Захарка удачливый, с семи лет ружьём владеет, а в ходьбе за ним и взрослому не угнаться, да не успела ничего разъяснить, пекарь не дослушал её.

— Ну, ладно, ладно, — кисло согласился он, — возьму. Будет обед готовить, вещи сторожить.

И вот они шагают по песчаному берегу — задастый, как баба, пекарь впереди, чуть кривоногий, коренастый Захарка сзади. У Захарки на ногах резиновые сапоги с калошами. Калоши на резиновые сапоги, конечно, не надевают, но это когда сапоги целые. А если у них нет подмётки, тогда с калошами тоже ничего.

Пекарь в болотных сапогах-вытяжках. Рюкзак у него казённый — с застёжками, пряжками, железками. У Захарки просто мешок из-под муки, с опояской вместо лямок.

Ружьё у пекаря — бескурковка заграничная, с выгравированными зайцами на щеках. У Захарки старая «тулка» без всяких зайцев. Но «тулку» эту Захарка ни в жизнь и ни за какие заграничные ружья не отдал бы, потому как отцовская она.

Километров пятнадцать отмахали пекарь с Захаркой. Пришли на огромный песчаный мыс. Через этот мыс каждую весну переваливают караваны птиц.

Пекарь приказал Захарке отабариваться: разводить огонь, устраивать ночлег, а сам принялся делать скрад на мысу.

Захарка, ловко орудуя топором, нарубил пихтача, сделал «козырёк» и развёл под ним огонь. Потом спустился на мыс и соорудил себе скрад. Пекарь посмотрел на мальчишку с любопытством, усмехнулся и спросил:

— Ты чего?

— Как чего?

— Делаешь, спрашиваю, чего?

— Скрад делаю, не видите, что ли?